

Арутюнян М. А.

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА АРМЯНСКОГО ОБЩЕСТВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/4-1/10.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 4 (11): в 2-х ч. Ч. I. С. 27-28. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В нашем исследовании затрагивается ряд проблем, касающихся сути и направления трансформации в системе местного самоуправления Армении.

Критическое сознание, в русле которого формируется новое видение экономических и политических проблем местного самоуправления, в настоящий момент остается отличительной чертой общественного сознания большинства армян. Истекшее 16-летие самостоятельной государственности показало, что в массовом сознании Армении продолжают развиваться процессы, связанные с усилением сомнений в жизнеспособности местных органов самоуправления решать социально-экономические проблемы населения. Еще лет 10 назад демократическое будущее местного самоуправления рисовалось в узких и предсказуемых параметрах. Сейчас некоторые из этих прогнозов кажутся либо глупыми, либо чересчур благодушными. Сегодня в разных общественных кругах Армении постоянно звучит беспокойство по поводу растущего отчуждения органов местного самоуправления от населения. В 2005 г. 82% опрошенных армян в общей форме выразили недоверие к тем, «кто находится у местной власти».

«Лет 10 назад, - замечал известный социолог Г. Погосян, - значительное число армян заявляло о доверии к реформе местного самоуправления, принимало на веру то, что говорили наши лидеры. И тем не менее к началу 2002 г. это большинство переменяло свое отношение и стало демонстрировать позиции, напоминающие поворот от простодушной благожелательности к критицизму, смешанному с беспокойством» [Погосян 2005: 216].

Об общей тенденции роста настроений недовольства в Армении наглядно говорят и опросы, проведенные Армянской социологической ассоциацией. Выборная активность населения с 1996 г. постепенно снижается. Самое большое число участвующих зарегистрировано на президентских выборах 1998 г., а самое малое - выборах в органы местного самоуправления в ноябре 1999 г. (32,9%) [Погосян 2005: 217]. Вообще, заметна устойчивая тенденция роста равнодушия населения к деятельности местных органов самоуправления. Наиболее характерной чертой состояния умов и чувств жителей муниципальных образований разного уровня является рост недоверия к правящей верхушке органов местного самоуправления, к тем, кто стоит во главе этого института. Результаты опроса 2005 г. свидетельствуют о том, что 65,7% опрошенных согласились с высказыванием: «Большинство официальных лиц органов местного самоуправления реально не интересуются проблемами рядового человека» [Погосян, Арутюнян, Аракелян 2007: 170].

Многие жители местных общин, «чувствуют себя изолированными от политического процесса, ощущают себя забытыми и бессильными». Они убеждены в том, что их мнение не имеет реального значения. Они чувствуют себя объектами манипуляции и использования со стороны тех, кто управляет органами местного самоуправления.

В Армении между различными институтами демократии и гражданского общества нет еще понимания общих целей и необходимости консолидации усилий. Частный бизнес развивается сам по себе, НПО сами по себе, а независимые СМИ сами по себе. В Армении нет пока никакого согласия между этими тремя важнейшими институтами демократии. Этим пользуется государственная бюрократия в центре и на местах, пытающаяся не упустить из рук ослабевшие рычаги регулирования и контроля над обществом. Во всевозрастающей степени армянский народ начал чувствовать свое отчуждение от гражданского общества и его институтов. Эти институты стали восприниматься как нечто формальное и отчужденное с точки зрения конкретных параметров жизненного опыта рядовых армян или совсем с ними связи не имеющие.

Сравнивая уровень доверия к центральной и местной власти, к партиям и общественным организациям в конце 1996 г. и конце 2006 г. можно констатировать факт снижения этого уровня.

Резким переменам и в самочувствии рядового армянина, и в оценке им положения дел в стране способствовало также быстро возраставшее ощущение того, что в Армении отсутствует социальная справедливость. В результате проведенных нами опросов мы обнаружили, что от 60 до 85% армян чувствовали, что существуют разрывы или разломы в системе социальной справедливости в Армении. [Погосян, Арутюнян, Аракелян 2007: 167]

Такая ситуация, казалось, свидетельствует о том, что в Армении, ее городах и селах сложились условия для нового подъема политического движения протеста, на этот раз уже действительно массового. Однако такой подъем не наступил, что видимо, не случайно. Настроения недовольства, социального критицизма и политического отчуждения, ставшие типичными для большинства армян, являются крайне противоречивыми. В значительном большинстве случаев они еще не опираются на готовность к активному политическому действию, особенно на местах.

Переживаемое многими армянами политическое отчуждение выражается в особой форме: оно стало отчуждением не только от центральной и местной властей, но и от политики в целом. Как показывают опросы, кризис доверия к тем, кто стоит у местной власти, нередко переходит в кризис к любым институциональным формам социально преобразующего политического действия. Он перерастает в недоверие ко всем окружающим людям, к их мотивам и поступкам (75% армян согласились с суждением: «В наши дни в общинах городов и сел человек не знает, на кого может положиться», а 65% присоединились к высказыванию:

“Большинство жителей общин в действительности не заботятся о том, что происходит с человеком, находящимся рядом”). Рост настроений политического отчуждения нередко сопровождается усилением чувства бессилия.

Ограниченность настроений политического отчуждения состоит в том, что зачастую не опираются на проект действительного демократического преобразования общинной жизни. Рядовой житель того или иного муниципального образования - хоть он и недоволен, разочарован в господствующих формах идеологии и политики, прежде всего либеральных, - в подавляющем большинстве случаев не обрел действительно альтернативной идеологии и программы политического действия. У него вообще нет альтернативной модели будущего развития системы местного самоуправления, а в оптимистических и утопических картинах - прогнозах, созданных армянскими “реформаторами” в 90-х годах, он разочаровался. Это и есть “глаза” чувств и настроений, находящаяся в процессе постоянного брожения, кипения, изменения и превращения. Ее кристаллизация сегодня идет в разных направлениях и уровнях, в том числе на уровне местного самоуправления. Огромную роль здесь играет также расстановка сил в политике на местах, та борьба, которую ведут наиболее влиятельные на местах группировки и организации, занятые выработкой политических позиций, лозунгов и их систематическим внедрением в сознание рядовых армян. Главный вопрос теперь заключается в том, в каком направлении эти тенденции будут развиваться. Здесь многое зависит от взаимодействия гражданского общества и органов местного самоуправления, от их способности разобраться в сложившейся ситуации на местах, осмыслить причины роста отчуждения, определить свои цели и задачи в борьбе с его негативными последствиями.

Список использованной литературы

1. Погосян Г. А. Современное общество: особенность трансформации. - М.: Academia, 2005. - С. 216.
2. Там же, с. 217.
3. Погосян Г. А., Арутюнян М. А., Аракелян В. В. Армения: отчужденное общество. - Ереван, 2007. - С. 170.
4. Там же, с. 167.

СТРУКТУРА ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИОЛОГИИ

Афанасьевский В. Л.

Самарский государственный экономический университет

В многообразии возможностей преподавания социологии есть благо. Но возможен ли перевод категориального аппарата системы на язык другой? Если нет, то каковы основания соотнесения форм преподавания социологии, каковы сравнительные характеристики содержательного анализа социологической теории? Ясно, что конвертация понятий, категорий и концептов в рамках иного социологического курса является затруднительной или невозможной. Тогда проблему конвертации можно обозначить обратившись к различиям.

Можно рассмотреть преподавание социологии сквозь призму концептуальных оснований различая, что позволило бы жестко ритмизировать педагогическое поле социологии, оставляя в целости ее морфическое многообразие. Проблема в том, что каждая отдельная школа создает отдельную внутреннюю педагогику, со своими правилами условиями традициями не соотносимыми с внутренней педагогикой других школ. Выработка представления о концептуальных основаниях различия позволила бы создать условия перевода концепций и терминологии, расширить поле социологической концептуализации учебного материала.

Уже само понятие «история социологии» вызывает вопросы. Названия курсов «история социологии» и «социология» весьма условны. Разделение происходит по основаниям, которые должны быть четко определены. Изложение фактов социологического бытия не есть история социологии. Если история социологии может мыслиться, как логичная последовательность социологических позиций в пространстве и времени, то для истории социологии нужно показать логику перехода от одной концепции к другой, а такая проблема исходит не из исторического, а из философского анализа, что ослабляет (или вообще устраняет) историческую позицию в истории социологии в пользу позиции философской. Сегодня никто не может мыслить историю вне исходных предпосылок отбора и осмысления исторических фактов. Выходом здесь является определенная корпоративная договоренность о «программе преподавания» и «способах понимания».

Как можно здесь и сейчас осознавать то, что называется «историей социологии»?

1) С одной стороны, история социологии может быть представлена как упорядоченная система знания, представленного во времени и пространстве. Здесь следует различать слабую и сильную системность. Первая ведет к скромному перечислению взглядов и концепций традиционных социологов и школ. Вторая пытается представить детерминированную временем и пространством последовательность развития социологических идей в их взаимосвязи.

2) С другой стороны, история социологии может быть представлена как несистематическое изложение концепции, что может быть названо как «история мнения», «история позиции» и т.д. Необходимость демонстрации развития требует системности, а ограничение тематики позволяет избегать посторонних концепций, сосредотачиваясь на рассмотрении «части» истории социологии.